

Людмила Павловна ГАРБУЛЬ
Вильнюсский университет

К вопросу о происхождении лексем *жадность*, *заочно*, *заочный*, *заслуга*, *злость* в русском языке

В истории русского языка XVII век представляет собой важную веху. Так, уже в первой его половине создаются предпосылки для возникновения литературного языка нового типа, в той или иной мере ориентированного на разговорную речь. Во второй половине столетия закладываются основы этого языка, а первые шаги в сторону его кодификации наблюдаются с начала XVIII в.

По мнению ряда крупнейших исследователей [см.: Виноградов 1982; Унбегаун 1969], в становлении нового русского литературного языка большую роль играл приказной язык, в частности, язык официальных дипломатических документов, которые в XV–XVIII вв., помимо прочего, являлись одним из основных источников пополнения русского языка иноязычными заимствованиями, в том числе и польскими. Истоки усиления польского влияния в конце XVI–XVII вв. можно искать в Смутном времени, события которого “обусловили невольный выход Московской Руси из изоляции и столкновение великорусской культуры с польской и югозападнорусской”, что способствовало перестройке отношений между церковно-славянским и русским языком: разрушению церковно-славянско-русской диглоссии и дальнейшему переходу ее во второй половине XVII в. к церковно-славянско-русскому двуязычию, следствием чего было формирование русского литературного языка нового типа, то есть современного русского литературного языка [Успенский 2002, 472, 511]. Примечательно, что на фоне церковно-славянско-русского двуязычия в XVII–XVIII вв. усваивается и иностранно-русское двуязычие, в частности интересующее нас — польско-русское, а также голландско-русское, немецко-русское, французско-русское [там же, 511].

Наряду с этими процессами, кардинально затрагивавшими саму систему русского письменного языка, результатом польско-русских

контактов во второй половине XVI–XVIII вв. было и значительное пополнение словарного запаса русского языка заимствованиями как непосредственно из польского, так и через его посредничество из других западноевропейских языков [см.: Witkowski 1999]. Однако полонизмы, проникшие в русский письменный язык в это время, установлены пока далеко не исчерпывающе, и выявление новых конкретных фактов может служить подтверждением усиления польского влияния в указанный период.

В настоящей публикации мы остановимся на истории пяти лексем, обнаруженных в документах Посольского приказа XVII в., которые, по нашему мнению, являются лексическими полонизмами и, таким образом, представляют собой межславянские заимствования.

Заметим, что распознавание заимствований такого рода сопряжено с определенными трудностями, поскольку речь идет о внутриславянских дериватах, как правило, имеющих общеславянское распространение и не обладающих формальными признаками, указывающими на их неисконность в принимающем языке. При исследовании межславянских заимствований наряду с лингвистическими критериями особое значение приобретает и учет таких моментов, как степень распространенности данного слова в языке заимствующем, а также в других славянских языках, его история в контактирующих языках (время появления, характер памятника, история функционирования). Очень важную роль в системе доказательств играет хронологическая характеристика.

жадность (2)* *суц. ж.* Сильное желание чего-л., стремление к чему-л.; непомерное желание присвоить что-л., скупость, корыстолюбие: Воевода поволит для своей *жадности* и корысти всякому без разбору... хлеб, покупая вывозить [ЭСРШ, 43(21), 1630 г.]. Да Архангельского города воевода... поволит для своей *жадности* и корысти всякому без выбору, и указу царского величества не послушав, и хлеб купив, и вывезли [РШЭО, 66(34), 1630 г.].

Это существительное представляет собой суффиксальное производное от имеющего общеславянское распространение прилагательного **žedъ-bnъ* ‘испытывающий жажду’, ‘жаждущий’, ‘нуждающийся’, восходящего к безаффиксному имени **žedъ* ← и.-е. корень, **gʰhedh* — ‘желать’, ‘просить, требовать’ [Brückner 1974, 663; ИЭССРЯ I, 290; Преображенский I, 220; Фасмер II, 33; Шанский I(5), 273; ЭСБМ 3, 200].

* Здесь и далее цифрой в скобках указано количество употреблений анализируемой лексики в наших материалах.

По данным исторического словаря русского языка, лексема *жадность* отмечается в памятниках письменности с 30-х годов XVIII в., причем впервые она зафиксирована в переводном тексте и именно в интересующем нас значении [СлРЯ XVIII 7, 90]. Примечательно, что в этом словаре существительное снабжено пометой *новое слово* [там же]. По нашим сведениям, анализируемая лексема появляется в русском письменном языке на столетие раньше в переводной дипломатической корреспонденции по связям Московского государства со Швецией, где затрагиваются и отношения первого субъекта с Польшей*.

Обстоятельства появления лексемы *жадность* в русском языке дают, на наш взгляд, основание предполагать, что в данном случае речь может идти о межславянском заимствовании. В пользу этого свидетельствует также и тот факт, что обнаруженная нами наиболее ранняя фиксация этого слова представляет собой такое употребление, которое, по данным *Словаря русского языка XVIII в.*, является лишь оттенком ('непомерное желание присвоить что-л.; скупость'), а не основным значением анализируемого существительного [там же].

В польском языке с первой половины XV в. встречается отглагольный дериват *żądność* 'usilne, gorące pragnienie czegoś, pożądliwość, łakomstwo, chciwość czego' [Łoś II, 99; SłStp XI(8), 569; Reczek 1968, 672], а с XVII в. в том же значении было уже достаточно широко распространено отыменное образование *żądność*, которое начиная с этого времени постепенно вытесняет первую лексему [Linde VI, 625; Karłowicz VIII, 697–698]. Существительное *żądność* продолжало активно употребляться и в польском языке XVIII–XIX вв., но в словаре современного польского языка оно снабжено пометой *daw.* [SJP X, 1407].

В русском языке лексема *жадность* активно использовалась в XVIII–XIX вв. [САР II, 386; Даль I, 524]. В словаре современного русского языка она отмечается в значениях 'скупость, корыстолюбие' и 'сильное стремление удовлетворить какое-л. свое желание' [ССРЯ V–VI, 60–61].

Изучение истории интересующего нас слова в других восточнославянских языках дает следующие результаты: в старобелорусском и староукраинском языках оно отсутствует. До данным исторического словаря украинского языка, в староукраинской письменности с середины

* В связи с этим следует заметить, что, как показывают наши наблюдения, переводные дипломатические документы XVI–XVII вв., как правило, в той или иной степени насыщены полонизмами независимо от того, с какого языка они переводились. Это относится и к памятникам, в которых засвидетельствовано интересующее нас слово.

XV в. регистрируется лексема *жадливость* 'прагнення', являющаяся заимствованием из старопольского¹ [ССМ XIV–XV 1, 352]. В значении 'пожадливість' она бытовала и в XVII в. [СУМ XVI–I пол. XVII 9, 114]. К середине XVII в. также относится единичное употребление существительного *жадусть* в значении 'пожадливість' в сильно полонизированном тексте; в более поздних текстах это слово не встречается [там же, 115]. В старобелорусском языке с начала XVI в. засвидетельствованы единичные употребления слова *жадоць* 'прагнасьць, сквагнасьць' [ГСБМ 9, 248], а с начала XVII в. — отдельные фиксации лексем *жадливость* в том же значении [там же, 244]. Вероятнее всего, оба слова, судя по характеру памятников, в которых они были обнаружены впервые, в старобелорусском языке также являются полонизмами. И *жадливость* 'жадность' и *жадоць* 'жадничанье' продолжали употребляться в белорусском языке XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 152]. В словаре современного белорусского языка представлено только *жадлівасьць*, сопровождаемое пометой *разм.* [ТСБМ 2, 247]. Что касается украинского языка, то еще в XIX в. продолжало использоваться существительное *жадливість* в значении 'желание' [Грінченко I, 512]. Однако в словаре украинского языка XIX в. находим и слово *жадность*, которое регистрируется и в словаре современного украинского языка, но уже с пометой *рідко* [Грінченко, там же; СУМ II, 512].

Сопоставление приведенной выше информации, по нашему мнению, дает определенные основания считать, что в русский письменный язык XVII в. лексема *жадность* могла попасть непосредственно из польского языка. При этом для XVII в. мы можем, очевидно, говорить лишь о единичных случаях ее употребления, но уже с 30–50-х годов XVIII в. она прочно закрепляется в лексической системе русского языка. Возможно, из русского языка во второй половине XVIII–начале XIX в. это существительное проникает в украинский язык. Не исключено также, что в последний оно попало из польского языка, однако мы считаем это менее вероятным.

Что касается фонетического облика анализируемого слова, то здесь следует говорить о явлении фонологической субституции в заимствующем языке. Так, при заимствовании слов с носовыми гласными из польского языка в русский наблюдаются следующие явления: *ą* → *а* (*rycząg* → *рычагъ*), *ę* → *'а* (*więzień* → *взяень*) [Kochman 1967, 98].

злочиню (1) *пареч.* В отсутствие кого-л.; за глаза: Кто Кіевлянь *заочно* кого оболжетъ, и тотъ оболганный самъ оправдається, и наказанію или свободѣ оправданіе самъ собою учинить [СГД 3, 530(176), 1654 г.].

Это наречие, вероятнее всего, представляет собой суффиксальный дериват от однокоренного прилагательного (о его происхождении см. ниже).

В русской письменности в форме *заочне* оно впервые фиксируется в тексте второй половины XVI в. по списку XVII в. — *Истории о великом князе Московском* А. Курбского* [СлРЯ XI–XVII 5, 254]. Мы обнаружили *заочно* в дипломатической корреспонденции, отражающей межгосударственные контакты Московского государства с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. Характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации анализируемой лексемы, и то, что мотивирующее ее прилагательное *заочный* появляется в памятниках письменности позже наречия² [СлРЯ XI–XVII 5, 255; см. также ниже, с. 56 настоящего издания], наводит на мысль о возможной неисконности *заочно* для русского языка. Такой же точки зрения придерживается польский славист В. Витковский [1999, 52]. Он считает это наречие полонизмом в русском языке, однако не приводит никаких доказательств, ссылаясь лишь на наличие слова в лексикографическом источнике второй половины XVIII в.; однако там отсутствуют какими-либо пометы, указывающие на его происхождение.

В польском языке *zaocznie* ‘w nieobecności osoby, o którą idzie, za oszami’ известно с первой половины XVI в., и с тех пор оно активно употребляется в польском языке вплоть до настоящего времени [Linde VI, 716; Karłowicz VIII, 196; SłJP X, 657].

С этого же времени *заочне*, *заочно* ‘завочна’ и *заочне*, *заочный* ‘(за відсутності особи) заочно’ регистрируется и в *простой мове*³, причем все фиксации, относящиеся к XVI в., приходятся на тексты, в значительной степени насыщенные полонизмами [ГСБМ 11, 55; СУМ XVI–I пол. XVII 10, 123]. Исследуемое наречие бытовало и в белорусском языке (*завóчно* ‘заочно’) в XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 163], в словаре современного белорусского языка оно уже не фиксируется. В лексикографических источниках украинского языка XIX в., наоборот, это слово не представлено, зато в словаре современного украинского языка *заóчно* регистрируется [СУМ III, 373]. Что касается дальнейшей судьбы этой лексемы в русском языке, то она продолжала употребляться в XVIII–XIX вв. [СлРЯ XVIII 8, 44; САР II, 670; Даль I, 611]. В современном русском языке *заóчно* в анализируемом значении входит в активный лексический запас [ССРЛЯ V–VI, 505].

* Как отмечают исследователи, большая часть произведений А. Курбского насыщена полонизмами, латинизмами и западнорусизмами [Тамань 1961, 203; Калугин 1994, 354].

На наш взгляд, представленные выше данные позволяют с достаточной степенью уверенности утверждать, что в русский письменный язык второй половины XVI–первой половины XVII вв. наречие *заочно* действительно было заимствовано из польского, вероятнее всего, благодаря посредничеству *простой мовы*, где оно, очевидно, также являлось полонизмом.

злочный (1) *прил.* Происходящий, совершаемый без личной встречи, в отсутствие лица, которого касается дело: А что друг друга именно замирить, и того написать и утвердить немочно, потому что дѣло *заочное*... и о замиренъѣ государей будетъ ссылка [Якубов 1897, 75, 1618 г.].

Эта лексема, очевидно, является префиксальным образованием от прилагательного **оц-ьль* ‘глазной’, суффиксального деривата от имеющего общеславянское распространение **око* ‘глаз’ ← и.-с. корень **ok-* [Вајkowski 2, 364; Brückner 1974, 377; ИЭСРЯ I, 594; Преображенский I, 642–643; Фасмер III, 128–129].

По данным исторического словаря русского языка, *заочный* впервые отмечается в русской письменности во второй половине 40-х гг. XVII в. [СлРЯ XI–XVII 5, 254–255]. Однако наша информация, почерпнутая из дипломатического документа по сношениям Московского государства со Швецией, в котором затрагиваются также отношения первого субъекта с Польшей, позволяет более чем на четверть столетия уточнить время появления этого слова в русском письменном языке. Со второй половины XVII в. исследуемое прилагательное получает широкое распространение, продолжая употребляться и в XVIII–XIX вв. [СлРЯ XVIII 8, 44; САР II, 670; Даль I, 611]. В современном русском языке *заочный* ‘происходящий, совершающийся без личного присутствия того, кого это касается’ принадлежит активному лексическому запасу [ССРЛЯ V–VI, 505].

Наше внимание эта лексема привлекла прежде всего потому, что прилагательное *очный* в значении ‘совершаемый при личном участии’, которым она могла бы быть мотивирована, засвидетельствовано в русской письменности только в конце 30-х годов XVII в. [СлРЯ XI–XVII 14, 104]. Этот факт ставит под сомнение возможность префиксального образования *заочный* в самом русском языке, но поскольку слово представляет собой явный внутриславянский дериват, то есть все основания говорить о межславянском заимствовании, на что указывает и В. Витковский [1999, 52]. Он относит его к полонизмам, однако ничем не обосновывает свое утверждение. Разделяя точку зрения польского ученого, попытаемся ее аргументировать.

В польском языке и *oczny* в значении 'на *oczny*, przed *oczny*ma, со *na swoje oczny widział*; *naoczny* (оросс. *zaoczny*)', которым могло быть мотивировано анализируемое прилагательное, и само *zaoczny*⁴ 'działający się, dokonywany pod nieobecność osoby zainteresowanej' известны с XVI в. [SJP XVI, XX, 43; Linde III, 442; Linde VI, 716; Karłowicz III, 561]. С этого времени последнее продолжает употребляться в польском языке на протяжении вот уже пяти столетий [Karłowicz VIII, 197; SJP X, 658].

С первой половины XVI в. *заочный*, *заочный* 'завочны' встречается в *простой мове*, причем почти одновременно с наречием [ГСБМ II, 56; СУМ XVI–I пол. XVII 10, 123]. При этом следует заметить, что все фиксации первой половины–середины XVI в. приходятся на документы, язык которых в той или иной степени испытал польское влияние. Это, на наш взгляд, дает основание предполагать, что в язык письменности ВКЛ интересующее нас прилагательное также могло попасть из польского. Оно продолжало бытовать в белорусском (*за́очны* 'заочный') и украинском (*за́очний* 'заочный') языках XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 163; Грінченко I, 610]. В анализируемом значении лексема регистрируется и в словарях современных белорусского и украинского языков [ТСБМ 2, 291; СУМ III, 273].

Приведенный фактический материал, по нашему мнению, может служить достаточным основанием для вывода о том, что *заочный*, как и *заочно*, в русский письменный язык XVII в. проникло из польского, видимо, при посредничестве *простой мовы*.

ЗАСЛУГА (1) *суц. ж.* Деятельность, поступок, достойные признания, уважения, высокой оценки: И денежное жалованье всё́мъ будетъ такъ, какъ и прежь, а наипаче отъ насъ Великого Государя по *заслугамъ* всё́ будутъ пожалованы, и дѣтемъ боярскимъ будетъ въ службѣ вольность... и все будетъ исполнено по договору гетмана Желковского, воеводы Киевского [АИ 3, 68 (72), 1616 г.].

Это существительное, имеющее общеславянское распространение, образовано от префиксального производного от **služiti*, восходящего к **sluga* 'слуга, служитель', 'подчиненный; подданный' ← и.-е. основа, **slougo-*: **slouga-* 'помощь', 'служение' [Brückner 1974, 502; ИЭССРЯ II, 177; Преображенский II, 325–326; Фасмер III, 676; Шанский II(6), 62].

В историческом словаре русского языка *заслуга* 'заслуга' иллюстрируется единственным примером из памятника XVII в. [СлРЯ XI–XVII 5, 297], поэтому обнаруженное нами употребление этого слова в дипломатическом документе по сношениям Московии с Польшей и ВКЛ в первой четверти XVII в. на данный момент следует считать

наиболее ранней точно датированной его фиксацией в русском письменном языке. Характер памятника, в котором засвидетельствована лексема, а также тот факт, что мотивирующий ее глагол *zasłużiti* в значении 'заслужить что-л., стать достойным чего-л.' известен в русском языке только с конца 80-х гг. XVII в. [СлРЯ XI–XVII 5, 298], наводит на мысль о том, что мы имеем дело не с самостоятельным образованием в русском языке, а с межславянским заимствованием, источником которого, вероятнее всего, является польский язык.

Так, в старопольском языке *zasługa* 'postępowania, czyny, działanie zasługujące nagrodę, uznanie' отмечается уже в первой четверти XV в., в значении 'postępowania, czyny, działanie zasługujące na karę' — с середины XV в., а мотивирующий эту лексему глагол *zasłużyć* 'stać się wartym czegoś' — с конца XIV в. [SłStp XI(3), 190, 192]. Таким образом, для польского языка именно то значение, в котором анализируемое существительное было зафиксировано нами в русской дипломатической корреспонденции начала XVII в., является первичным⁵. В этом значении оно активно употреблялось в польском языке на протяжении XV–XIX вв. [Linde VI, 773; Sł Paska II, 714; Karłowicz VIII, 274]. В словаре современного польского языка *zasługa* представлено в значении 'to czym się kto dobrze zasłużył, czyny, prace godne uznania' [SłJP X, 778].

С конца XV в. *zasługa* 'дзеинасьць, учынак, варты павагі, высокай ацэнкі' встречается в старобелорусской письменности, с того же времени *zasługa* ('вчинок, гідний похвали) заслуга' отмечается и в староукраинских текстах [ГСБМ 11, 158; ССМ XIV–XV 1, 386]. Несколько раньше, со второй половины XV в., в старобелорусском языке засвидетельствован и глагол *zasłużiti*, *zaslužыти* 'дзеинасьцю, паводзінамі выклікаць пэўныя адносіны да сябе; стаць вартым чаго-н.' [ГСБМ 11, 161]. Причем и глагол, и существительное на протяжении второй половины XV–начала XVI вв. регистрируются в переводах с польского и документах, язык которых сильно полонизирован. В связи с этим есть основания предполагать, что в указанные языки *zasługa* могло быть заимствовано из польского в конце XV–начале XVI вв. Интересующая нас лексема представлена в словаре украинского языка XIX в., а также в словарях современных белорусского и украинского языков [Гринченко I, 633; ТСБМ 2, 385; СУМ III, 315]. В русском языке слово *zasługa* также активно употреблялось в течение XVIII–XIX вв. [СлРЯ XVIII 8, 91; САР II, 735; Даль I, 636]. В значении 'дело, поступок и т.п., достойные уважения' оно фиксируется и в словаре современного русского языка [ССРЛЯ V–VI, 614].

Как нам представляется, изложенное выше позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что лексема *заслуга* в восточнославянские языки проникла из польского. При этом в русский письменный язык XVII в. она, скорее всего, попала благодаря посредничеству *простой мовы*.

зЛОСТЬ (6) *суц. ж.* 1. Чувство враждебности, недоброжелательности; злоба (2): И царь Василей, не памятуя их *злости* к Московскому государству, к вам их отпустил... [Сб. РИО 142, 359, 1613 г.]. А господь Богъ... справедливо чюю своею не хотѣл тое *злости* и неправды Борисовы долго терпѣти... [там же, 550, 1614–1615 гг.]. 2. *чаще мн.* Злое дело, слово, умысел; неприятности, притеснения (4): Господь Богъ... праведным судом и всесилою десницею Своею показнил Бориса Федоровича, государя вашего, за его великие *злости* и неправды [там же]. И за рубежь вывозять сильно, и всякия *злости* имъ чинять [ПСЗ I, 297, 1649 г.]. К своей римской вере неволили, церкви божии печатали... и всякие над ними гонения, и поругания и *злости* нехристианские чинили [ВУР 3, 333(179), 1653 г.]. И въ иныхъ мѣстѣхъ въ корунѣ и въ Литвѣ... церкви запечатали... и всякое надъ вами... поруганіе и *злости* нехристианскія чинили... [СГГД 3, 496(161), 1654 г.].

Это существительное образовано суффиксальным способом от имеющего общеславянское распространение и точные соответствия в других индоевропейских языках прилагательного **zъlъ* ‘плохой, дурной’, ‘злой’, ‘низкий’ ← и.-е. корень *g'huel-*: **g'hul-*: ‘изгибаться; кривиться’, ‘изворачиваться; кривить душой’ [Brückner 1974, 654; ИЭССРЯ I, 326; Преображенский I, 256; Фасмер II, 99]. Н.М. Шанский по поводу *злость* отмечает, что это, вероятно, общеславянская лексема [Шанский II(6), 97].

В русской письменности *злость* в значении ‘зло, порок; дурное свойство, качество чего-л.’ появляется со второй половины XVI в. и все его наиболее ранние фиксации приходятся либо на переводной с польского памятник *Назиратель*, либо на уже упоминавшееся сочинение А. Курбского *История о великом князе Московском* [СлРЯ XI–XVII 6, 32]. Что касается регистраций этого слова в интересующих нас значениях, то наиболее ранними на данный момент следует считать представленные нами, и все они приходятся на дипломатическую корреспонденцию по сношениям Московского государства с Польшей и ВКЛ первой половины XVII в. Другие его употребления в этих значениях в XVII в. также отмечены либо в дипломатических документах, либо в переводных текстах [там же, 33]. Примечательна подача этого существительного в *Словаре русского языка XVIII в.*: “Злость, *ж.* 1. То же, что *злоба* (1). 2. То же, что *зло* (1). // Злое дело,

слово, умысел” [СлРЯ XVIII 8, 196]. Такое его представление в словаре может свидетельствовать о том, что в самом русском языке не было крайней необходимости в образовании слова, все значения которого компенсируются другими лексемами.

Подача анализируемого существительного в этимологических и исторических словарях, а также характер памятников, в которых оно впервые отмечено в русском языке, наводят на мысль о его возможной неисконности. Наиболее вероятным источником этого слова в русском языке, видимо, следует считать польский язык.

В старопольских текстах *złość* с конца XIV в. известно в значениях ‘*Im. zły uczynek, występek, przestępstwo*’ и ‘*nieprawość, niegodziwość, przewrotność*’, с первой половины XV в. — и в значении ‘*Im. uczynek złośliwy; szkoda, krzywda*’, а с конца XV—начала XVI вв. — еще и в значении ‘*uczucie wrogości, urazy do kogo; złośliwość*’ [SfStp XI(6), 402–404; Linde VI, 950]. Во всех указанных значениях данная лексема активно употреблялась в польском языке на протяжении XVI–XIX вв. [Sf Paska II, 747; Linde, там же; Karłowicz VIII, 531]. В словаре современного польского языка она также представлена, но значение ‘*występek, przewinienie; zły lub złośliwy uczynek; szkoda, krzywda*’ сопровождается пометой *daw.*, то есть объем ее значений сузился [SIJP X, 1152].

С середины 30-х годов XV в. *злость* появляется в староукраинской письменности сначала в значении ‘зло, лихо’, а с конца XV в. — и в значении ‘злість, злоба’ [ССМ XIV–XV 1, 401]. В старобелорусских памятниках эта лексема в значениях ‘злачынства, дрэнны учынак, грэх’ и ‘варожасць, нядобразычлівасць’ также отмечается с конца XV в. [ГСБМ 12, 284]. При этом важно подчеркнуть, что почти все его фиксации в старобелорусском и староукраинском языках второй половины XV—начала XVI вв. приходятся на сильно полонизированные документы или тексты, являющиеся переводами с польского. В словаре украинского языка XIX в. находим *злість* только в первом из интересующих нас значений [Грінченко 1, 695]. Так же оно представлено и в словарях современных белорусского и украинского языков [ТСБМ 2, 482; СУМ III, 595]. В лексикографических источниках, регистрирующих русский язык второй половины XVIII–XX вв., *злость* фиксируется только в значении ‘чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-л.; злоба’ [САР II, 885; Даль I, 684; ССРЛЯ V–VI, 843].

Таким образом, в восточнославянских языках, как и в польском, объем значений у анализируемого существительного сужается, причем самым непродолжительным бытование значения ‘злое дело, слово, умысел; неприятности, притеснения’ было в русском языке.

Сопоставление сведений о существительном *злость* в польском и восточнославянских языках, по нашему мнению, позволяет трактовать его в последних как лексический полонизм. Проникновению же его в русский письменный язык во второй половине XVI–начале XVII вв., очевидно, способствовала *простая мова*.

Заключая обзор истории лексем *жадность*, *заочно*, *заочный*, *заслуга*, *злость*, можно сформулировать следующие выводы:

1. Исследование лексем, которые до сих пор вообще не подвергались этимологическому анализу (*жадность*, *заочно*, *заочный*) или информация о которых ограничивалась указанием на то, что они известны во всех славянских языках (*заслуга*, *злость*), показало, что, несмотря на общеславянское распространение и праславянскую древность их корнеслова и других словообразовательных аффиксов, эти внутриславянские дериваты в русском письменном языке второй половины XVI–XVII вв., вероятнее всего, являются межславянскими заимствованиями — полонизмами. При этом слова *заочно*, *заочный*, *заслуга*, *злость* проникли в русский письменный язык второй половины XVI–начала XVII вв., по-видимому, благодаря посредничеству *простой мовы*.

Следует заметить, что изучению польского влияния на русский язык в XVI–XVIII вв. уделялось достаточно большое внимание на протяжении второй половины XIX–XX вв. В результате на данный момент выявлено значительное количество таких лексических заимствований из польского или через его посредничество из других западноевропейских языков, которые обладают формальными признаками, указывающими на их неисконность в принимающем языке. На этом основании можно предполагать, что впредь список полонизмов, попавших в русский язык в XVI–XVIII вв., будет, видимо, пополняться в основном за счет межславянских заимствований: внутриславянских лексических дериватов и семантических калек. Это подтверждается как представленными выше материалами, так и данными других исследований последнего времени [см. напр.: Kochman 1992; Witkowski 1992; Гарбуль 2002; 2003; 2004].

2. Для таких лексем, как *жадность*, *заочный*, *заслуга*, *злость* в значениях ‘чувство враждебности, недоброжелательности; злоба’ и ‘злое дело, слово, умысел; неприятности, притеснения’ удалось уточнить время их появления в русском письменном языке. А как известно, хронологический критерий играет очень важную роль в установлении направления влияния при контактировании генетически родственных языков.

3. В связи со словами *жадность* и *злость* можно заметить, что наши данные подтверждают мнение А.А. Шахматова [1952, 263] и С. Кохмана [1967, 100] о том, что образования с *-ость* до XVIII в. не были характерны для русского языка; дериваты с этим суффиксом во второй половине XVI–XVII вв. в большинстве случаев представляют собой заимствования из польского и лишь отчасти церковно-славянского языков. Кстати, большое количество заимствований из польского с некоторыми словообразовательными формантами, в частности с суффиксами *-ость*, *-(и)ение*, *-ария*, привело впоследствии, в XVIII–XIX вв., к активизации этих аффиксов в самом русском языке [Kochman 1967, 100].

4. Отметим также, что все подвергшиеся анализу лексемы продолжают активно употребляться в современном русском языке, но у *заслуга*, *злость* объем значений сузился, а у *заочно*, *заочный* он, напротив, расширился. Существительное *жадность* сохранило первоначальный объем значений.

5. Представленные в публикации материалы позволяют не только пополнить список полонизмов, проникших в русский язык в XVI–XVII вв., но могут быть использованы для дополнения и уточнения информации, содержащейся в этимологических и исторических словарях русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В старопольском языке *ządliwość* 'usilne, gorące pragnienie czegoś' отмечается с середины XV в. [SISr XI(8), 567].

² *Заочно* не могло быть образовано в самом русском языке префиксальным способом и от *очно* 'в глаза', так как последнее отмечается в памятниках письменности только с середины 80-х годов XVII в. [СлРЯ XI–XVII 14, 103].

³ *Простая мова* — это литературно обработанная, надрегиональная разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшая на основе общего *руського* (= украинско-белорусского) делового языка [Мозер 2002, 221]. В XVI–XVII вв. она выступала в роли одного из письменных языков ВКЛ.

⁴ Заметим, что помимо выдвинутой нами версии происхождения этой лексемы, возможно, по меньшей мере, еще одно вероятное объяснение ее возникновения в польском языке: образование лексико-синтаксическим способом на базе сочетания предлога *za* и существительного *oko* в *Виш.* или *Тв. п. мн. ч.* — *za oczu*, *za oczami* (*oczuta*). Однако мы обнаружили всего лишь два случая употребления этой предложной конструкции (только с формой *Тв. п. за oczuta*), относящихся к XVI в. в значениях '*przen. wzrok, spojrzenie, patwienie: za oczuta moieina chodzilo serce moie*' (1572 г.) и '*z tylu, tak że nie można widzieć: ale u tego co się w tyle ich za oczuta dzieie wiedzieć u widzieć procz skutku a powieści nie mogą*' (1583 г.) [SIP XVI, XXI, 216, 224], которыми вряд ли могло быть мотивировано интересующее нас значение.

⁵ Следует также отметить, что в старопольском языке со второй половины XV в. это существительное регистрируется еще и в значении 'дар', на базе которого, види-

мо. развилось значение 'wynagrodzenie, zapłata; zold', известное с XVI в. [SIStp XI(3), 191; Linde VI, 773]. Учитывая объем и временную последовательность появления значений у лексемы *zasługa* в польском языке, считаем необходимым высказать некоторые замечания и соображения относительно поддачи слова *заслуга* в *Словаре русского языка XVIII века* [8, 91], где оно представлено следующим образом: "1. Действ. по гл. заслужить (1): то, что заслужено, заработано. 2. Поведение, поступки, вызывающие соответствующее отношение, оценку; то, что кто-л. заслужил, чего достоин. 3. чаще мн. Деятельность, поступки, достойные уважения, признания". При этом два первых значения сопровождаются пометой *выходящее из употребления* и отмечаются как более ранние, а последнее имеет помету *расширяющееся употребление* и считается более поздним. Однако имеющийся у нас материал показывает, что на данный момент наиболее раннюю точно датированную фиксацию лексемы *заслуга* в русском языке следует связывать именно со значением 'деятельность, поступок, достойные признания, уважения, высокой оценки', то есть первоначально анализируемое существительное появляется в русской письменности именно в этом значении. В таком случае все другие его значения надо, видимо, считать более поздними, что, кстати, соответствует хронологической последовательности появления значений у этого слова в польском языке и *простой мове* [SIStp XI(3), 190–191; Linde VI, 773; ГСБМ II, 158].

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- АИ = *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею*, т. 3. Санкт-Петербург, 1841.
- ВУР = *Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы*, т. 3. Москва, 1953.
- ПСЗ = *Полное собрание законов Российской империи*, т. 1. Санкт-Петербург, 1830.
- РШЭО = *Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сборник документов*. Москва–Ленинград, 1960.
- Сб. РИО 142 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*, т. 5 (1609–1615 гг.). Санкт-Петербург, 1913. (Сборник Русского исторического Общества, т. 142.)
- СГГД = *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел*, ч. 3. Санкт-Петербург, 1822.
- ЭСРШ = *Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.* Москва–Стокгольм, 1978.
- Якубов К., 1897: *Россия и Швеция в первой половине XVII в.*: Сборник материалов. Москва.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В., 1982: *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.*, изд. 3-е. Москва.
- Гарбуль Л.П., 2002: К проблеме семантических полонизмов в русском прикарпатском языке первой половины XVII в., *Slavistica Vilnensis*, 2002. Вильнюс, 49–62. (Kalbotyra 51(2).)

- Гарбуль Л.П., 2003: Семантические полонизмы в документах Посольского приказа первой половины XVII в., *Slavistica Vilnensis*, 2003. Вильнюс, 187–192. (Kalbotyra 52(2)).
- Гарбуль Л., 2004: К истории некоторых полонизмов в русском языке, *Respectus philologicus*, 6(11). Каунас, 45–55.
- Грінченко Б., 1924: *Словарь української мови*, т. I–II. Берлин.
- ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, вып. 1–21. Мінск, 1982–2002.
- Даль В., 1978–1980: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Москва.
- ИЭССРЯ = Черных П.Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I–II. Москва, 1999.
- Калугин В., 1994: Местные традиции в языке русской литературы XVI–XVII веков, *Slavia orientalis*, XXXXIII(3). 353–362.
- Мозер М., 2002: Что такое “простая мова”?, *Studia Slavica Hungarica*, 47(3–4). Budapest, 221–260.
- Носович И.И., 1870: *Словарь белорусского наречия*. Санкт-Петербург.
- Преображенский А.Г., 1959: *Этимологический словарь русского языка*, т. I–II. Москва.
- САР = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, ч. I–VI. Санкт-Петербург, 1806–1822.
- СлРЯ XVIII = *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 1–12. Санкт-Петербург, 1984–2001.
- СлРЯ XI–XVII = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–25. Москва, 1975–2000.
- ССМ XIV–XV = *Словник староукраїнської мови XIV–XV стст.*, т. I–II. Київ, 1977–1978.
- ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка*, т. I–VI. Москва, 1991–1994.
- СУМ = *Словник української мови*, т. I–XI. Київ, 1970–1980.
- СУМ XVI–I пол. XVII = *Словник української мови XVI–першої половини XVII ст.*, вип. 1–10. Львів, 1994–2003.
- Тамань В.М., 1961: К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси, in Ларин Б.А. (ред.), *Начальный этап формирования русского национального языка*. Ленинград, 197–204.
- ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–5. Мінск, 1977–1984.
- Унбегаун Б., 1969: Язык русского права, in *На темы русские и общие*. Сб. статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. New York, 312–318.
- Успенский Б.А., 2002: *История русского литературного языка*. Москва.
- Фасмер М., 1964–1973: *Этимологический словарь русского языка*. Пер. и доп. О.Н. Трубачева, т. I–IV. Москва.
- Шанский Н.М., 1963–1982: *Этимологический словарь русского языка*, т. I–II. Москва.

- Шахматов А.А., 1952: Церковные элементы в современном русском литературном языке, in *Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку*. Москва, 245–267.
- ЭСБМ = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–8. Мінск, 1978–1993.
- Bañkowski A., 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1–2. Warszawa.
- Brückner A., 1974: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego* ułożony pod redakcją I. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1927.
- Kochman St., 1967: *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII w.* Wrocław.
- Kochman St., 1992: Nie zauważone polonizmy w rosyjskiej terminologii dyplomatycznej, in *Sprawozdania Opolskiego TPN*, wyd. II, seria B, t. 23. 29–35.
- Linde S.B., 1807–1814: *Słownik języka polskiego*, t. I–VI. Warszawa.
- Łoś J., 1922–1925: *Gramatyka polska*, t. I–II. Lwów–Warszawa–Kraków.
- Reczek St., 1968: *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- SJP = *Słownik języka polskiego*, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969.
- SI Paska = *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska*, t. I–II, Wrocław–Warszawa–Kraków, 1965–1973.
- SIP XVI = *Słownik polszczyzny XVI w.*, t. I–XXIX. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1966–2001.
- SISp = *Słownik staropolski*, t. I–XI. Warszawa, 1953–2002.
- Witkowski W., 1992: Rosyjskie zapożyczenia semantyczne z języka polskiego, in *Z polskich studiów slawistycznych*, seria VIII. Warszawa, 263–270.
- Witkowski W., 1999: *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Zestawił Wiesław Witkowski. Kraków.

E-mail: liudmila.garbul@flf.vu.lt

Январь 2004 г.

LJUDMILA PAVLOVNA GARGUL²

**On the origin of the words
жадность, заочно, заочный, заслуга, злость
in the Russian language**

The article examines the origin and the history of the words *жадность, заочно, заочный, заслуга, злость* found in diplomatic correspondence from Muscovite Russia of the 17th century. The author argues that these derivatives are Polonisms, and that *заочно, заочный, заслуга*, and *злость* were borrowed into the Russian written language of the 16th and 17th centuries through ruthenian language.